

ПОЮЩАЯ БЕЗ СЛОВ

Точно, буквально выразить музыку, ее образы посредством слов столь же невозможно, как и точно определить квадратуру круга: это категории разного характера, у каждой своя природа, специфика. И именно в этом смысле прав был Шуман, когда заметил, что лучший способ говорить о музыке — это молчать о ней.

Но вместе с тем музыка отнюдь не является некоей само за та енной «вещью в себе», как считают (и понине!) многие идеалистические эстеты. Музыка, ее образы, чувства и мысли — могут быть реалистично и с достаточным совершенством «расшифрованы», «переведены» на языки других видов искусства, и прежде всего (а может быть — и лучше всего) — хореографии. Ибо при всем своеобразии форм и средств балетного искусства, сущность его подлинно музыкальна, поэтична.

В этом убеждает лучший опыт многих поколений и передовая эстетика, и именно в этом с большой силой, присущей конкретному, живому впечатлению, убеждает нас в эти дни творчество Светланы Россет — ведущей балерины

О СВЕТЛАНЕ РОССЕТ,
ведущей танцовщице Куйбышевского театра
оперы и балета

Закончились гастроли Куйбышевского театра оперы и балета, который очень понравился и полюбился смолянам.

За прекрасную музыку, пение и танцы, за ваше замечательное искусство и теплоту сердец — большое спасибо, земной вам поклон, дорогие друзья!

Куйбышевского театра оперы и балета, гастролировавшего в Смоленске.

Чем же и как столь глубоко восхищает и убеждает эта танцовщица?

Артистизм С. Россет — это емкая и богатая индивидуальность, в основе которой не только шедрое природное дарование, но и счастливое «место под солнцем». Ей выпало на долю стать как бы дважды «внучатой» ученицей прославленной ленинградской балерины А. Я. Вагановой, в школе которой формировались и ее замечательная учительница — народная артистка республики А. Я. Шелест и заслуженный деятель искусств Н. В. Данилова — известный советский балетмейстер, под руководством которой С. Россет вот уже почти 8 лет работает в труппе Куйбышевского театра оперы и балета. За это время Светлана Дмитриевна «прочла» чуть ли не весь основной репертуар балетной классики, — одни только главные роли в 15 спектаклях, из которых смолянам были показаны «Каменный цветок» Прокофьева, «Жизель» Адамя, «Лебединое озеро» Чайковского и «Читра» Тагора. Но, разумеется, самое главное — как прочла и как выразила она эти роли!

Каждое ее появление на сцене радует, волнует, не оставляет равнодушных. И это прежде всего потому, что неизменно убеждаешься в главном: она, выражаясь словами Майи Плисецкой, не танцует под музыку, а танцует музыку. А ведь в этом и состоит важнейшее отличие настоящего искусства от подделки (пусть даже мастерски отработанной)! Светлана Россет именно танцует музыку, поет ее чувства и мысли, переживания и красоту, живое дыхание, — словом, всю ее сокровенную душу. И что за леснь! Сколько в ней силы, свежести, красоты!

И вот что примечательно. У С. Россет превосходная хореографическая техника и яркая сценическая

внешность, тонкость и грациозность движений, большой шаг и прыжок, многообразные выразительные пассажи, — и все же не в этом главная, определяющая черта ее творчества, ее танец не мимический «бель канто». Это объясняется прежде всего самой природой истинного искусства и самим складом личности всякого настоящего художника — мастерство, как и красота, это лишь средство для отражения и преобразования бытия, но отнюдь не самоцель и не является самоочевидным, внешним.

Искусство Светланы Россет излучается «изнутри» и насыщено большой внутренней силой и эмоциональностью, теплотой и задушевностью, пленительной мелодичностью и интеллектуальностью образов. Благодаря этому она танцовщица прежде всего лирического и драматического плана.

В хореографической палитре этой балерины основное значение имеет удивительная пластичность фигуры и движений, которая в сочетании с превосходным мастерством и изяществом линий обретает подлинно музыкальное «звучание» — в чем-то «гремят» литавры (момент торжества победы в образах Одиллии, Читры) или слышится «трель» флейты (например, «трепетность» Одетты), в чем-то элегическая «певучесть» скрипки (Одетта, Жизель), но чаще всего — глубокий «грудной голос» виолончели (особенно в «Каменном цветке», да и в остальных балетах).

При этом, в целостном гармоничном «звучании» ничто не теряется, не «заглушается» — не только мимика, шея, кисти, но и отдельные пальцы и даже их фаланги (особенно в «Читре»).

Все богатство хореографических (и прежде всего — пластических) цветов и оттенков используется С. Россет с несомненным вкусом, с тонким чувством меры, — благодаря чему различные образы вырисовываются по-разному, с различной рельефностью —

от самой глубокой до «чуть-чуть», — и всегда в зависимости от смысловой нагрузки. Так, крутые и подчас резкие линии отличаются «змеиные» волны злой и коварной Одиллии от мягких, «лебединых» — у Одетты (например, знаменитое адажио из второго акта). Определенная мера резкости и даже некоторой угловатости линий явно отличаются Читры-«юношу» от нежного и теплогo рисунка Читры-девушки, хотя и она бывает порой достаточно порывистой. С большим вкусом и мастерством перевоплощения выписана Хозяйка Медной горы (в «Каменном цветке») — обобщающий образ Жизни, образ в основном фантастический, «неземной». Символизируя власть и мудрую закономерность Жизни, отдающей свои самые сокровенные ценности лишь достойнейшему, она величава и даже чуть надменна, ее движения сильны и эпичны, но вместе с тем сдержанны и подчеркнута замедлены, они как бы пружинны. Когда же она, обретая и теряя любовь, становится вполне «земной», — пружинность рисунка уступает место живой, страстной эластичности, высокомерие сменяется простотой, живостью.

В каждом из рассмотренных балетов очень характерна логичность, с которой С. Россет «вписывает» свой персонаж в ткань всего спектакля, а также гармоничная целостность и завершенность всякой из ее ролей. Она «звучит» везде и всегда — в ансамбле и соло, в танце и пантомиме, и даже когда «молчит», застывая как великолепно изваяние. Например, изумительна по своей человечности и силе художественного откровения «скульптура» Одетты после бури. Это — отнюдь не изображение от только что пропавшей смертельной схватки со Злом, это фигура того безмолвия, той тлеющей и абсолютной расслабленности тела, которая и в жизни присуща первому «вдоху» после достижения слишком выстраданного и слишком полного счастья.

Подобная же человечность, искренность и поэтичность — нигде не изменяют Светлане Россет, и поэтому все ее герои обаятельны и достоверны. А и такому, настоящему искусству, конечно же, никто не может оставаться равнодушным.

А. ШАПИРО,
врач